

Повесть Никвлада Самсонова «Рок» — один из редких для удмуртской литературы примеров самобытного отражения мифологического сознания, предопределяющего возникновение новых отношений между литературой и фольклором.

1. *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

2. *Паранук К. Н.* Жанровые особенности современного адыгского романа об историческом прошлом: мифопоэтический аспект // XXII Пуришевские чтения: История идей в жанровой истории / отв. ред. Е. Н. Черноземова. М., 2010.

3. *Самсонов В. Я.* Мой дом выше твоего : повести, рассказы / пер. с удм. А. Демьянова. Ижевск, 1995.

Н. С. Запорожцева

г. Сарапул

**«Сарапульский Чехов»:
писатель С. Н. Миловский-Елеонский
(к 150-летию со дня рождения)**

Сергей Николаевич Миловский (1861–1911) — незаслуженно забытый пензенский писатель-беллетрист, плодотворно работавший в городе Сарапуле Вятской губернии с 1895 по 1911 г. под псевдонимом Сергей Елеонский. «Бытописатель духовенства» — ярлык, прочно закрепившийся за Миловским благодаря критику Измайлову. Действительно, писатель, выросший в духовной среде, получивший классическое духовное образование и возглавлявший Сарапульское духовное училище, писал о среде, которую отлично знал. Но круг интересов Миловского не ограничивался жизнью духовенства, он был успешным педагогом, любил и знал литературу, театр, состоял в переписке с ведущими писателями века, был активным участником общественной жизни бурно развивающегося уездного города Сарапула.

Священнослужителей задевали нелицеприятные портреты духовных отцов из рассказов Елеонского. Кроме того, они не могли простить

духовному учителю смертный грех самоубийства. Начиная с 1920-х гг. духовенство в нашей стране последовательно уничтожалось, и рассказы о нем не только не пользовались популярностью, но были запретной темой. Все это явилось препятствием для распространения и популяризации произведений С. Миловского. Что же представляет собой его творчество?

В конце XIX — начале XX в., в годы духовного кризиса русской литературы, когда уходили великие мастера А. П. Чехов. Л. Н. Толстой, писательство, как и все общество, искало пути выхода из кризиса. С. Миловский избрал свой особый путь в литературе и следовал ему до конца жизни, несмотря на жесткую критику такого корифея, как М. Горький, за слабость идеологии, т. е. за то, в чем именно была сила писателя. Своя стезя Миловского — это неспешный рассказ о маленьких людях клира одного какого-нибудь сельского прихода или тружениках-учителях духовной школы, их маленьких радостях и огорчениях, долготрудной карьере, зависти и сомнениях, корысти и вражде. Жанр рассказа, возрожденный Чеховым — кумиром Миловского, — здесь был как нельзя кстати. Рассказ Миловского своеобразен. Это длинное многословное повествование, исподволь вводящее читателя в суть дела, с мягким юмором описывающее коллизии в среде духовенства. Эта уходящая Россия дорога писателю, дороги и незадачливые дьячки, пономари, диаконы, бурсаки и семинаристы. Да и к священникам, являющим собой главную мишень иронии писателя, он весьма снисходителен. Ему, попovichу, трудно отделить себя от духовенства. Чувство сострадания к людям, которое писатель вложил в свои рассказы, питает читателя, создает незримую межпоколенную связь его с гоголевско-чеховским рядом маленьких людей посреди огромной равнины равнодушной, а порой враждебной среды. Большинство рассказов писателя печальны, многие трагичны, отражая болезненно-хрупкую душевную организацию Миловского. В последнем рассказе («Волшебник») эпическое повествование переходит в нервную скоротечность, усиливаются драматические ноты и трагичность финала.

За 16 лет жизни в Сарапуле С. Миловский написал около 60 рассказов и очерков, выпустил три книги [1–4]. У него была своя система работы со словом. Он ходил на пристань и там, в толпе, записывал местные словечки для будущих рассказов. Рано осиротевший, прошедший долгий путь ученичества в духовном училище, семинарии и академии, он не придумывал героев своих рассказов — помнил их. Добродушный отставной солдат Андрей Пареный, сторож духовного училища, наделенный врожденной педагогической мудростью; pater noster Чуриловский — гроза

плохих учителей и нерадивых учеников; заклятые враги Подоплекин-ского училища выпивоха Поспелов и скряга-законоучитель о. Матвей, которых примирил только приезд и смерть молодой учительницы Машеньки; единственный философ, смотритель Никодим Петрович, обнаруживший изъян в своей системе «Вожделенного преуспеяния» и вред зубрежки для маленького талантливого Бабушкина. Вдохновенно писал Миловский рассказ-легенду о запретной любви православного сельского учителя к марийской девушке-язычнице Качук.

Название одного из рассказов — «Неизреченный свет». По-евангельски это свет Преображения, доступный лишь немногим. Лучами Преображения светятся лики святых угодников, их световидными энергиями пронизаны жизнь и деятельность русских подвижников от Сергея Радонежского и Серафима Саровского до наших современников. Этим же Неизреченным светом наполнены жизнь, творчество и трагический уход С. Миловского. Апофеозом жизни и творчества писателя стал рассказ «Хрустальное яблоко». Пропавшая горячо любимая игрушка из пленительного детства — символ хрупкости и драгоценности творчества человека-созидателя.

Занятый хозяйственными училищными хлопотами, Миловский рвался в литературу, но бытовые пути останавливали его. Он писал другу — режиссеру П. П. Гайдебурову: «Два года до пенсии осталось. Пенсию семье, пусть справляются, а сам хоть голодать, но на люди, в настоящую жизнь, в настоящую работу. Да у меня еще архиереи не тронуты, теперь не решаюсь, опять выследят. А какой материал...» Не успел... Ушел, не реализовав множество замыслов, затравленный безденежьем и кознями обывателей, расшифровавших его псевдоним, измотанный многолетней работой без отдыха, обострившимся неврозом, осуждением епархии. Он написал на смерть «русской чайки» В. Ф. Комиссаржевской: «Общая участь сравняла Веру Федоровну с великими русскими покойниками под одной общей крышей, где написано: “Неисчерпанные”». Когда только русский человек умрет так, чтобы на последнем его венке можно было написать: “Отдал земле все, что взял от неба”». Эти слова, посвященные любимой актрисе, можно адресовать самому Миловскому. Если бы не груз педагогических и хозяйственных забот смотрителя, не ушел бы Миловский таким «неисчерпанным», а сыграл бы более яркую роль в русской литературе. Но и теперь он остается одним из лучших писателей, осветившим жизнь закрытой для общества касты русского духовенства.

К 150-летию писателя школьным музеем Сарапула проведены краеведческие исследования о жизнедеятельности С. Н. Миловского, уточнены дата и место его рождения, составлена родословная. Собраны произведения писателя, разбросанные по дореволюционной периодике, и издан первый том избранных рассказов С. Н. Миловского, его очерки, письма, некрологи и воспоминания о талантливом писателе, добровольно ушедшем из жизни сто лет назад.

-
1. Елеонский С. Рассказы. СПб., 1904. Т. 1.
 2. Елеонский С. Рассказы. СПб., 1911. Т. 2.
 3. Елеонский С. Священье. Машенька. М., 1908.
 4. Миловский С. Н. Хрустальное яблоко. Сарапул, 2011.

Р. Л. Исхаков
г. Екатеринбург

Идеологема «Идель-Урал» в свете концепции «культурного гнезда» (К вопросу о перерастании культурного гнезда в культурный центр)

Ранее нами были рассмотрены различные аспекты жизни и творчества известного булгаро-татарского писателя-эмигранта Гаяза Исхаки (1878–1954) [6–11, 13]. В данном исследовании мы обращаемся к очерку Гаяза Исхаки «Идель-Урал». На то есть формальные причины. 2013 г. будет ознаменован двумя юбилейными датами, касающимися автора: исполняется 135 лет со дня рождения писателя и 80 лет со дня выхода в свет его очерка «Идель-Урал». Очерк, дающий общее представление о политической истории татар, вышел в 1933 г. на татарском языке в Берлине, затем в Париже на русском и французском языках (1933), в Токио на японском (1934), в Варшаве на польском (1938), в Лондоне на русском (1988). В 1992 г. очерк был издан отдельной книгой в городе Набережные Челны Республики Татарстан [14]. Перевод очерка на русский язык выставлен на сайте Татарской электронной библиотеки [15].